

Независимость адвоката-защитника в уголовном процессе Республики Польша и Российской Федерации

Европейская адвокатура традиционно характеризуется многообразием национальных методов организации и определения стоящих перед нею задач. Национальная специфика проявляется в правовом регулировании институтов адвокатской тайны, обеспечения собирания доказательств защитником, в том числе, возможности самостоятельно опрашивать свидетелей с их согласия и т.д. Однако несмотря на разницу в организации института адвокатуры многие исследователи отмечают, что основополагающие принципы адвокатской деятельности остаются неизменными вне зависимости от истории и традиций отдельных государств¹. Именно к таким принципам, как правило, относится независимость адвоката, признаваемая законодательством всех европейских государств.

Обеспечение независимости адвоката приобретает все большую актуальность в участвовавших случаях международного представительства, когда защитник вынужден учитывать специфику различных правовых систем².

Вместе с тем, вопрос о природе независимости адвоката продолжает вызывать дискуссии в научном сообществе. В литературе все еще широко представлена позиция отказывающаяся признавать за независимостью адвоката характер основополагающего принципа и определяющая ее как свойство защитительной деятельности³. Такая точка зрения как правило, обосновывается характером отношений адвоката со своим доверителем, К примеру, отсутствием предусмотренной в законодательстве Российской Федерации возможности отказаться от принятой защиты и ограничением возможности действовать вопреки желанию клиента (в РФ такая возможность ограничена убеждением в самооговоре доверителя).

¹ C. Jaworski, *Niezależność wykonywania zawodu adwokata w świetle regulacji prawnych europejskich i polskich*, «Palestra» 1996, 40/7, с. 57.

² Ibidem.

³ T.A. Kalent'eva, Ju.A. Golovachev, *Problemy rossijskogo zakonodatel'stva, kasajushhiesja advokatskoj tajny, v svete reshenij ESPCh*, «Aktual'nye problemy pravovedeniya» 2020, 4 (68), с. 38–43.

Тем не менее, несмотря на всю очевидность доверительные (фидуциарных) отношений, складывающихся между адвокатом и клиентом уже самые ранние источники отражают публичную природу адвокатской деятельности, отмечая при этом ее роль в установлении истины в уголовном судопроизводстве.

Одной из первых (и очень не многих) стала дефиниция целей уголовной защиты, представленная в Кутюмах Бовези (старофр. *Coustumes de Beauvoisis*, фр. *Coutumes de Beauvaisis*), сборнике обычаев 1282 года, средневекового французского права, получивших распространение в провинции Бовези на севере Франции⁴.

Согласно определению, представленному в Кутюмах

так как большинство людей не знакомо с нормами права и не знает, как ими надо пользоваться и на что следует опираться в каждой данной тяжбе, то те, которым предстоит судиться, должны искать совета у людей, могущих говорить за них. И тот, который говорит за других (в суде), называется адвокатом⁵.

Подобная социально-ориентированное определение целей защиты, хотя и не способно претендовать на исключительность, во многом предвосхитило последующее развитие уголовного процесса. Вместе с тем, дальнейшие попытки регулирования института уголовной защиты, в большинстве случаев, обходились без определения ее целей и свойств.

Французская революция 1789 года имела важное значение для развития понимания защиты в уголовном процессе. Положения Декларации прав человека и гражданина значительно развили процессуальные гарантии Кутюмов Бовези. В тексте Декларации, среди прочего, говорилось, что ни один человек не может быть обвинен, арестован и заключен в тюрьму на иных основаниях, кроме предусмотренных законом, кроме того, каждое лицо должно считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана, а пытки, которые применялись до сих пор для получения доказательств, непременно должны быть запрещены. Кроме того, Декларация гарантировала обвиняемым право на наличие защитника, право обжаловать решение первой инстанции а также сделала невозможным повторное привлечение к ответственности за то же деяние, по которому обвиняемый ранее был оправдан⁶. Со временем адвокату было разрешено оказывать свои юридические услуги

⁴ Автором сборника принято считать выдающегося юриста Филиппа де Реми, съёр де Бомануара. Кутюмы по праву считаются выдающимся памятником права средневековой эпохи, во многом предвосхитившим дальнейшее развитие уголовного процесса европейских государств. В тексте Кутюмов нашли отражение такие положения как: основополагающие принципы адвокатской этики, институт гонорара успеха, общие положения презумпции невиновности и т.д.

⁵ Kutjomy Bovezi, www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/France/XIII/1280-1300/Kutymi_Bovezi/text.htm [дата обращения: 9.11.2020].

⁶ Zasada prawa do obrony w polskim procesie oraz formy jej realizacji, www.humanitas.edu.pl/resources/upload/dokumenty/Wydawnictwo/Roczniki%20AiP%20-%20pliki/Podzielone/Rocznik%20AiP%202009/Matan%20zasada.pdf [дата обращения: 9.11.2020].

также и на досудебных стадиях уголовного процесса. Однако свойства защиты в тексте декларации упомянуты не были. Прогнозированы остались и цели защиты.

Признание за адвокатом самостоятельной процессуальной роли неизбежно приводило к необходимости обеспечения его независимости (поскольку стремление повлиять на защитника может исходить как со стороны представителей обвинения, так и со стороны других представителей подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), а также и со стороны самого доверителя).

Польская система уголовно-процессуального права, во многом отразила достижения французской правовой системы, через принятие закона о парламентских судах от 17 мая 1791 г., который предоставлял обвиняемым широкий круг полномочий, включая принцип *in dubio pro reo* (принцип недопустимости повторного применения мер уголовной ответственности за одно и то же преступное действие) а также право на защиту от уголовного преследования⁷. И вновь, законодатель не посчитал необходимым каким-либо образом перечислить цели и свойства защитительной деятельности уголовном процессе.

Признание фундаментальности рассматриваемого права привело к тому, что подавляющее большинство Конституций Европейских государств (Польша, Франция, России и т.д.) указали в числе основополагающих прав граждан, право на защиту от уголовного преследования, однако проигнорировали закрепление его целей и имманентных свойств.

К примеру, Конституция Республики Польша (далее Конституция РП), принятая второго апреля 1997 г., признавая право на защиту уголовном процессе (ст. 42), тем не менее не определяет целей подобной защитительной деятельности.

За каждым признается право на защиту от уголовного преследования, на всех этапах уголовного процесса. Подозреваемый. Обвиняемый, Осужденный имеют право самостоятельно выбрать защитника, а также, в случаях установленных законом, пользоваться услугами адвоката по назначению – параграф 3 указанной статьи закрепляет принцип презумпции невиновности, в качестве основополагающего элемента состязательного уголовного процесса. Положения Конституции РП дополняются нормами Закона об адвокатуре 1982 года, Законом о юридических консультантах а также Уголовно-процессуальным кодексом Республики Польша 1997 года, однако ни в одном из указанных нормативно-правовых актов мы не находим определения целей защиты.

⁷ Ibidem.

Конституция Российской Федерации в 48 статье гарантирует получение каждым квалифицированной юридической помощи, игнорируя при этом перечисление ее целей.

Федеральный закон „Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” хотя и перечисляет в ст. 3 принципы деятельности института Адвокатуры, которые в совокупности с положениями Уголовно-процессуального кодекса могут определить цели уголовной защиты, не дает нам четкой дефиниции целей защиты.

Вопросы адвокатской тайны неоднократно становились предметом практики Конституционного Трибунала, в силу неоднозначного трактования ст. 178, 180 Уголовно-процессуального кодекса РП и ст. 6 Закона об Адвокатуре⁸; отсутствия Конституционных норм прямо посвященных вопросам тайны представительства, адвокатской тайны и тайны защиты; а также по причине их высокой социальной и правовой значимости.

Как указывает П. Вилиньский, адвокатская тайна и тайна представительства относятся к тем правовым институтам Польши, Конституционные основы которых неустанно ищут ученые на протяжении, уже многих лет⁹. Дело в том, что действующая Конституция напрямую не регулирует вопросы адвокатской тайны, тем не менее согласно позиции многочисленной группы ученых можно говорить о конституционных основах института адвокатской тайны, ее конституционных «предпосылках»¹⁰.

В соответствии с упомянутым выше законом от 26 мая 1982 г. Об адвокатуре (Prawo o adwokaturze, art. 6) а также законом о юрисконсультах от 5 июля 1982 г. (Ustawa o radcach prawnych, art. 3), адвокат и юрисконсульт обязаны хранить в тайне те сведения которые стали им известны при оказании квалифицированной юридической помощи.

Согласно части 2 ст. 6 Закона об адвокатуре обязанность хранить адвокатскую тайну не может быть ограничена во времени; часть 3 указанной статьи устанавливает, что адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить адвокатскую тайну никем¹¹.

Вместе с тем следует отметить, что обязанность хранить адвокатскую тайну не распространяется на факты свидетельствующие о финансировании доверителем

⁸ В Республике Польше квалифицированная юридическая помощь оказывается в различных формах и регулируется следующими нормативно-правовыми актами: законом от 26 мая 1982 г. Об адвокатуре (Prawo o adwokaturze) законом о юрисконсультах от 5 июля 1982 г. (Ustawa o radcach prawnych), а так же законом о налоговых консультантах (Ustawa o doradztwie podatkowym). Таким образом, квалифицированная юридическая помощь в Польше оказывается в первую очередь:

- 1) Юрисконсультами (Radca prawny);
- 2) Налоговыми консультантами (Doradca podatkowy);
- 3) Адвокатами (Adwokat).

⁹ См: W. Bergier, J. Jacyna, *Etyka zawodu adwokata. Regulamin wykonywania zawodu adwokata. Komentarz praktyczny, orzecznictwo, wzory i kazusy*, Warszawa 2015, с. 266.

¹⁰ P. Wiliński, *Konstytucyjne podstawy tajemnicy związanej z wykonywaniem zawodu adwokata i radcy prawnego*, [в:] *Etyka adwokacka a kontradiktoryjny proces karny*, ред. J. Giezek, P. Kardas, Warszawa 2015, с. 165–179.

¹¹ Данный запрет носит условный характер в законодательстве Польши, распространяясь, в том числе, и на доверителя, однако не на Суд.

террористических организаций или отмыванию денежных средств, полученных преступным путем¹².

Однако, Уголовно-процессуальный кодекс РП вступает здесь в известное противоречие с законом об адвокатуре, устанавливая в ст. 180: «в исключительных случаях, когда этого требуют интересы правосудия, а искомая информация не может быть установлена на основании иных источников, Суд вправе обязать адвоката раскрыть вверенную ему тайну».

Подобное непоследовательное (на первый взгляд) правовое регулирование вызвало активное обсуждение как в среде практиков, так и в среде теоретиков¹³. В споре о том, является ли адвокатская тайна абсолютной ценностью точка была поставлена лишь 22 ноября 2004 года в решении Конституционного Трибунала № 133768, согласно которому адвокатская тайна признана более широким правовым явлением, включающим в себя тайну защиты. Таким образом 180 ст. УПК РП признана *lex specialis* (специальной нормой) по отношению к положениям Закона об адвокатуре, тем не менее, ограничение это не может касаться тайны защиты, которая рассматривается в качестве абсолютной правовой ценности. Данная позиция была воспринята и научным сообществом, что отражено во многих научных работах¹⁴.

Справедливым было бы утверждать, что в настоящее время право на защиту переживает новый (международный) этап своего развития. Однако даже будучи отраженным в целом ряде международно-правовых актов¹⁵, институт уголовной защиты, тем не менее не имеет четко определенных свойств.

Принимая во внимание приведенный выше анализ правовых актов европейского сообщества, справедливым видится утверждение о том, что цели и природа защитительной деятельности исторически были предметом исследования научного сообщества.

¹² Ustawa o przeciwdziałaniu praniu pieniędzy oraz finansowaniu terroryzmu z dnia 16 listopada 2000 r. (Dz.U. Nr 116, poz. 1216).

¹³ См. Например: K. Broclawski, M. Czajka, *Prawnokarne aspekty ochrony tajemnicy zawodowej radcy prawnego*, cz. 2, «Radca Prawny» 2001, nr 4, с. 27–28; M. Kucharczyk, *Charakter prawny tajemnicy adwokackiej w ujęciu historycznym*, «Czasopismo Prawa Karnego i Nauk Penalnych» 2007, nr 1, с. 60.

¹⁴ См., например: M. Rusinek, *Tajemnica zawodowa i jej ochrona w polskim procesie karnym*, Warszawa 2007; R. Stefański, *Obrona obligatoryjna w polskim procesie karnym*, Warszawa 2012; R. Tokarczyk, *Etyka prawnicza*, Warszawa 2005; S. Waltoś, P. Hofmański, *Proces karny, zarys systemu*, Warszawa 2013; J. Żuławski, *Adwokatura w ostatniej dekadzie PRL*, Kraków 2012.

¹⁵ Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, в ст. 11 содержит положения о том, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты; Международный пакт о гражданских и политических правах принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, в статье третьей воздает на власти подписавших его государств обязанности по обеспечению эффективных средств правовой защиты.

Теория защитительной деятельности в уголовном процессе всегда пользовалась глубокой заинтересованностью у отечественных исследователей. Вместе с тем следует отметить, что несмотря на большое количество научных работ, посвященных проблемам защиты в уголовном процессе, многие ее фундаментальные черты продолжают оставаться дискуссионными, что актуализирует необходимость научной рефлексии сложившихся методик ее исследования (равно как и их основных результатов).

В русском дореволюционном уголовном процессе защита традиционно рассматривалась как имманентно присущий уголовному судопроизводству элемент, как деятельность, направленная на уравнивание обвинения, на его опровержение¹⁶. В советский период и в трудах большинства современных ученых-процессуалистов защита также определяется как процессуальная деятельность стороны защиты, направленная на опровержение обвинения, на установление невиновности обвиняемого и смягчение его наказания¹⁷, на отстаивание других прав, свобод и законных интересов лиц, привлеченных к уголовной ответственности¹⁸. Схожим образом определяя цели защиты, профессор Ю.И. Стецовский включает в ее понятие эндогенный компонент, отмечая, что защита в уголовном процессе – это сознательные, целеустремленные действия самого обвиняемого и его защитника¹⁹. Тем самым, суть подобного представление о защите сводится к тому, что в уголовном процессе защита носит своего рода компенсационный характер, что она логически противоположна обвинению, а право на защиту означает право ответа на обвинение.

Вместе с тем, в теории российского уголовного процесса предложен и иной взгляд на сущность уголовно-процессуальной защиты: не как деятельности, противостоящей обвинению, а как деятельности, противодействующей неправомерным деятельности по отношению к любому участнику процесса²⁰. Сторонники такой точки зрения полагают, что защита возникает в связи с нарушением субъективных прав и, следовательно, она присуща всем участникам уголовного процесса и представляет собой совокупность процессуальных действий, посредством которых указанные лица реализуют предоставленные им возможности по отстаиванию и защите своих прав и законных интересов либо прав и законных интересов защищаемого или представляемого лица. В силу этого защита может

¹⁶ I. Ja. Fojnickij, *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva*, Sankt Petersburg 1996, т. 2, с. 59.

¹⁷ M. S. Strogovich, *Kurs sovetskogo ugolovnogo processa*, т. 1, Москва 1968, с. 198; M. O. Baev, *Teoreticheskie i prakticheskie osnovy professional'noj zashhity ot ugolovnogo presledovanija*, Москва 2014, с. 10.

¹⁸ V. L. Grigorjan, *Zashhita kak sistemoobrazujushhij faktor ugolovnogo sudoproizvodstva i principy ee osushhestvlenija*, Saratov 2012, с. 142.

¹⁹ Ju. I. Stecovskij, *Ugolovno-processual'naja dejatel'nost' zashhitnika*, Москва 1982, с. 3.

²⁰ M. M. Vydrja, *Funkcija zashhity v sovetskom ugolovnom processe*, «Sovetskoe gosudarstvo i pravo» 1978, 1, с. 23.

осуществляться не только заинтересованными участниками процесса, но и прокурором, следователем, дознавателем, поскольку они защищают права и интересы потерпевшего, обвиняемого и других лиц²¹.

Однако, полагаем, что в данном случае уместнее говорить не о защите, а об охране прав участников процесса, так как защита, как направление деятельности в уголовном судопроизводстве, может осуществляться исключительно субъектами, не обладающими властными полномочиями²². Государственные же органы обеспечивают права граждан, но не осуществляют защитительную деятельность²³.

Такие понятия, как «защита» и «защитительная деятельность» обоснованно рассматриваются многими учеными как тождественные. Однако вряд ли допустимо говорить также о тождественности таких категорий, как защитительная деятельность, функция защиты и институт защиты. Уголовно-процессуальная функция представляет собой «полномочия суда и сторон осуществлять в пределах своей компетенции только определенный вид уголовно-процессуальной деятельности сообразно их роли в состязательном уголовном процессе»²⁴, и, исходя из этого, функция защиты от обвинения (ст. 15 УПК РФ) может быть определена как деятельность по оспариванию причастности лица к совершенному преступлению, опровержению обвинения, возражению против гражданского иска, приведению доводов, обосновывающих несоразмерность ограничений прав и свобод лица, подвергаемого уголовному преследованию²⁵.

Институт же защиты, как любой другой юридический институт, представляет собой систему правовых норм, регулирующих «деятельность субъектов защиты, ориентированную на отстаивание и охрану прав, свобод и законных интересов подозреваемого и обвиняемого и регламентирующих правоотношения, возникающие в связи с этой деятельностью»²⁶.

Таким образом, понятие «защита» представляет собой сложное правовое явление: это собственно уголовно-процессуальная деятельность, это ее направление (уголовно-процессуальная функция), это институт уголовно-процессуального права.

²¹ E.V. Gorbacheva, *Funkcija zashhity kak neobhodimyj jelement sostjazatel'nogo processa*, «Pravo i pravosudie» 2003, № 4, с. 58; V.A. Lazareva, V.V. Ivanov, A.K. Utarbaev, *Zashhita prav lichnosti v уголовном processe Rossii*, Москва 2011.

²² M.V. Parfenova, *Ohrana konstitucionnyh prav podozrevaemogo i obvinjaemogo v dosudebnyh stadijah уголовного processa Rossii*, Москва 2004, с. 184.

²³ I.A. Nasonova, *Osnovnye harakteristiki sub'ekta уголовно-processual'noj zashhity*, «Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii» 2014, 3, с. 106–111.

²⁴ *Juridicheskaja jenciklopedija*, red. A.V. Mal'ko, S.N. Tumanov. Avtor razdela *Ugolovno-processual'noe pravo* V.D. Holodenko, Saratov 2013, с. 580.

²⁵ N.A. Dmitrieva, *Funkcija zashhity v rossijskom уголовном processe i rol' v nej instituta advokatury*, Москва 2006, с. 5).

²⁶ V.L. Grigorjan, *Zashhita kak sistemoobrazujushhij...*, с. 11–12.

Говоря о признаках уголовно-процессуальной защиты, следует, прежде всего, отметить ее независимость, то есть

обеспеченную нормами действующего законодательства возможность защитника самостоятельно формировать позицию по делу, определять общую модель поведения и конкретные средства и способы осуществления защиты, исключаящую прямое или опосредованное, скрытое или явное влияние каких-либо лиц на его поведение при производстве по уголовному делу²⁷.

Следующим признаком уголовно-процессуальной защиты является ее квалифицированность. В соответствии с УПК РФ (ст. 42), в качестве защитников по уголовным делам участвуют адвокаты. По решению суда в качестве защитника наряду с адвокатом может участвовать один из близких родственников подсудимого или иное лицо, об участии которого ходатайствует подсудимый. Лица, не обладающие статусом адвоката, могут участвовать в уголовном судопроизводстве только наряду с адвокатом (исключение составляет производство у мирового судьи). Наличие статуса адвоката у лица, осуществляющего защиту обвиняемого (подозреваемого), оказывающего ему юридическую помощь, является важнейшей гарантией обеспечения квалифицированности защиты по уголовным делам.

Еще одним свойством защитительной деятельности является ее рисковый (алеаторный) характер. «Рисковый характер защиты вытекает из конфликтности тех правовых отношений, в которых она осуществляется, а также из независимости и самостоятельности субъектов защитительных действий»²⁸. При осуществлении уголовного судопроизводства рисковость защиты вытекает из ее коллизионности - конфликтного взаимодействия интересов стороны обвинения и защиты²⁹.

Характеризуя признаки защиты по уголовным делам, многие авторы говорят о ее эффективности³⁰, которая, однако, не может быть сведена исключительно к результативности. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности в целом, как правило, определяется, как достижение истины по делу при соблюдении прав и законных интересов лиц, участвующих в судопроизводстве. При этом также подчеркивается необходимость учета того, какие средства и способы обеспечивали достижение указанных целей. Полагаем, что аналогичным образом можно судить и об эффективности защитительной деятельности. Если защитительная деятельность, хотя и позволила достичь

²⁷ G.I. Sibirtsev, *Obespechenie i realizacija nezavisimosti advokata-zashhitnika v ugovnom processe*, Saratov 2018, с. 9.

²⁸ Ibidem, с. 37.

²⁹ M.O. Baev, *Teoreticheskie i prakticheskie...*, с. 231.

³⁰ V. Grigorjan, *Zashhita kak sistemoobrazujushhij...*, с. 65.

поставленных целей, но осуществлялась недопустимыми средствами, с нарушением требований закона, вряд ли она может быть признана эффективной. Подобная защита может быть охарактеризована как девиантная (отклоняющаяся), «наносщая прямой вред общественным отношениям по поводу отправления правосудия, искажающая правосознание граждан, обратившихся за квалифицированной юридической помощью»³¹. Тем самым, эффективность защиты – это отстаивание интересов обвиняемого, достижение процессуальной истины методами, не нарушающими нормы закона.

Действующее законодательство содержит целый ряд гарантий, обеспечивающих эффективность защитительной деятельности. Так, закон не только обеспечивает гражданам право на квалифицированную юридическую помощь, но и закрепляет механизмы защиты самого этого права. Одним из примеров гарантированности эффективной юридической помощи является, например, норма, закрепляющая свидетельский иммунитет защитника (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). «Напрямую указанная норма не предоставляет каких-либо дополнительных прав защитнику, однако, несомненно, играет важнейшую роль в обеспечении эффективности защитительной деятельности, по сути, гарантируя возможность реализовывать иные права, закрепленные законом»³².

Важным свойством защитительной деятельности, влияющим и на ее эффективность, выступает и ее конфиденциальность, доверительный характер, которые, в свою очередь, предполагают наличие в законе четких гарантий обеспечения адвокатской тайны.

Еще одним значимым свойством защиты в уголовном судопроизводстве является то, что она достаточно четко регламентирована нормами закона, который устанавливает момент и способ вступления защитника в дело, его права, случаи его обязательного участия, основания для его отвода.

Для характеристики сущности защиты также значимы и цели, на достижение которых должна быть направлена защитительная деятельность по уголовному делу. Нередко в качестве цели защиты по уголовным делам указывают на опровержение обвинения путем выявления обстоятельств, оправдывающих подозреваемого (обвиняемого) либо смягчающих его ответственность³³. В.Л. Григорян формулирует цели защиты более широко: как защиту интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и привлеченных к ней. При таком определении целей под защитой подразумевается не только деятельность по опровержению обвинения, но и по отстаиванию других прав, свобод и законных интересов доверителей. Очевидно, что основная цель оказания защитником юридической помощи

³¹ G.I. Sibirtsev, *Obespechenie i realizacija...*, с. 41.

³² Ibidem.

³³ M.O. Baev, *Teoreticheskie i prakticheskie...*

лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, заключается в том, чтобы опровергнуть предъявленное обвинение и оспорить причастность лица к совершенному преступлению. Однако не следует забывать о необходимости защиты имущественных прав доверителя, а равно защите его иных личных прав.

Совершенно очевидно, что основными целями защитительной деятельности является оспаривание причастности лица к совершению преступления, опровержение обвинения (подозрения). Понятие «опровержение обвинения» включает в себя, как оспаривание причастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (то есть, факта совершения им преступления), так и оспаривание квалификации деяния, характера и размера причиненного вреда и иных значимых по делу обстоятельств. Однако, считаем необходимым при формулировании понятия защиты отразить в нем указание на «оспаривание причастности лица к совершению преступления» как отдельную цель защитительной деятельности в силу ее высокой значимости. Это целесообразно также в силу того, что право на защиту, в соответствии с положениями действующего УПК РФ, обеспечивается не только подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления, но и лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также лицам, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ³⁴.

Таким образом, сущность защиты в уголовном судопроизводстве заключается в оспаривании причастности к совершению преступления лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в опровержении обвинения или смягчении наказания, в отстаивании имущественных, а равно иных прав и свобод лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и лиц, в отношении которых осуществляется проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ.

Уголовно-процессуальная защита обладает следующими характерными свойствами:

- независимость – важнейший и обязательный признак защитительной деятельности, ключевое свойство защиты, которое означает возможность защитника при производстве по уголовному делу формировать собственную модель поведения и самостоятельно определять средства и способы осуществления защиты;
- квалифицированность защиты, гарантом которой является требование закона о возможности осуществления защитительной деятельности, главным образом, лицами, обладающими статусом адвоката. Тем самым профессионализм адвокатов

³⁴ Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.06.2015 №29 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivajushhego pravo na zashhitu v ugovnom sudoproizvodstve» (p. 2), «Rossijskaja gazeta» 2015, 10 ijulja.

выступает обеспечительной мерой квалифицированности уголовно-процессуальной защиты;

- рисковость защиты, которая тесно связана с конфликтным взаимодействием интересов стороны обвинения и защиты;
- подзаконность защитительной деятельности, означающая, что защитник вправе использовать только не запрещенное законом средства и способы защиты;
- эффективность защитительной деятельности, не допускающая отстаивание интересов обвиняемого, достижение процессуальной истины методами, нарушающими нормы закона.

Библиография

Akty prawne

1. Ustawa z dnia 26 maja 1982 r. Prawo o adwokaturze.
2. Ustawa z dnia 6 lipca 1982 r. o radcach prawnych.
3. Ustawa z dnia 5 lipca 1996 t. o doradztwie podatkowym.
4. Ustawa o przeciwdziałaniu praniu pieniędzy oraz finansowaniu terroryzmu z dnia 16 listopada 2000 r. (Dz.U. Nr 116, poz. 1216).

Opracowania

1. Baev M.O., *Teoreticheskie i prakticheskie osnovy professional'noj zashhity ot ugovnogo presledovaniya*, Москва 2014.
2. Bergier W., J. Jacyna, *Etyka zawodu adwokata. Regulamin wykonywania zawodu adwokata. Komentarz praktyczny, orzecznictwo wzory i kazusy*, Warszawa 2015.
3. Broclawski K., Czajka M., *Prawnkarne aspekty ochrony tajemnicy zawodowej radcy prawnego*, cz. 2, «Radca Prawny» 2001, nr 4, c. 27–28.
4. Dmitrieva N.A., *Funkcija zashhity v rossijskom ugovnom processe i rol' v nej instituta advokatury*, Москва 2006.
5. Fojnickij I.Ja., *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva*, Sankt Ptersburg 1996, t. 2.
6. Gorbacheva E.V., *Funkcija zashhity kak neobhodimyj jelement sostjazatel'nogo processa*, «Pravo i pravosudie» 2003, № 4, c. 58.
7. Grigorjan V.L., *Zashhita kak sistemoobrazujushhij faktor ugovnogo sudoproizvodstva i principy ee osushhestvlenija*, Saratov 2012.
8. Jaworski C., *Niezależność wykonywania zawodu adwokata w świetle regulacji prawnych europejskich i polskich*, «Palestra» 1996, 40/7, c. 57.

9. *Juridicheskaja jenciklopedija*, red. A.V. Mal'ko, S.N. Tumanov, Saratov 2013.
 10. Kalent'eva T.A., Golovachev Ju.A., *Problemy rossijskogo zakonodatel'stva, kasajushhiesja advokatskoj tajny, v svete reshenij ESPCh*, «Aktual'nye problemy pravovedenija» 2020, 4 (68), c. 38–43.
 11. Kucharczyk M., *Charakter prawny tajemnicy adwokackiej w ujęciu historycznym*, «Czasopismo Prawa Karnego i Nauk Penalnych» 2007, nr 1, c. 57–72.
 12. Kutjummy Bovezi,
www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/France/XIII/1280-1300/Kutymi_Bovezi/text.htm
 [дата обращения: 9.11.2020].
 13. Lazareva V.A., Ivanov V.V., Utarbaev A.K., *Zashhita prav lichnosti v ugovnom processe Rossii*, Москва 2011.
 14. Nasonova I.A., *Osnovnye harakteristiki sub'ekta ugovno-processual'noj zashhity*, «Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii» 2014, № 3, c. 106–111.
 15. Parfenova M.V., *Ohrana konstitucionnyh prav podozrevaemogo i obvinjaemogo v dosudebnyh stadijah ugovnogo processa Rossii*, Москва 2004.
 16. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.06.2015 №29 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivajushhego pravo na zashhitu v ugovnom sudoproizvodstve» (p. 2), «Rossijskaja gazeta» 2015, 10 ijulja.
 17. Rusinek M., *Tajemnica zawodowa i jej ochrona w polskim procesie karnym*, Warszawa 2007.
 18. Sibirtsev G.I., *Obespechenie i realizacija nezavisimosti advokata-zashhitnika v ugovnom processe* Saratov 2018.
 19. Stecovskij Ju.I., *Ugovno-processual'naja dejatel'nost' zashhitnika*, Москва 1982.
 20. Stefański R., *Obrona obligatoryjna w polskim procesie karnym*, Warszawa 2012.
 21. Strogovich M.S., *Kurs sovetskogo ugovnogo processa*, t. 1, Москва 1968.
 22. Tokarczyk R., *Etyka prawnicza*, Warszawa 2005.
 23. Vydrja M.M., *Funkcija zashhity v sovetskom ugovnom processe*, «Sovetskoe gosudarstvo i pravo» 1978.
 24. Waltoś S., P. Hofmański, *Proces karny, zarys systemu*, Warszawa 2013.
 25. Wiliński P., *Konstytucyjne podstawy tajemnicy związanej z wykonywaniem zawodu advokata i radcy prawnego*, [v:] *Etyka adwokacka a kontradyktoryjny proces karny*, red. J. Giezek, P. Kardas, Warszawa 2015, c. 165–179.
- Zasada prawa do obrony w polskim procesie oraz formy jej realizacji*,
www.humanitas.edu.pl/resources/upload/dokumenty/Wydawnictwo/Roczniki%20AiP%20-

%20pliki/Podzielone/Rocznik%20AiP%202009/Matan%20zasada.pdf [дата обращения: 9.11.2020].

26. Żuławski J., *Adwokatura w ostatniej dekadzie PRL*, Kraków 2012.

Ключевые слова: сущность уголовно-процессуальной защиты, цели защиты, свойства защитительной деятельности, защита как функция уголовного судопроизводства, институт защиты

Key words: essence of criminal procedural defense, goals of defense, properties of defensive activity, defense as a function of criminal proceedings, defense institution

Summary

Independence of advocate for the defense in criminal procedure of the Republic of Poland and Russian Federation

The article investigates questions about the essence of criminal procedural protection, its goals and properties. The authors note that, for all its specificity, criminal procedural protection has a number of properties inherent in any type of defensive activity, but at the same time its independence is the defining property of protection in criminal proceedings. The independence of the defense attorney is an important guarantee of the adversarial principle of criminal proceedings, recognized by the legislation of all European states. Ensuring the independence of the defense lawyer has a long history and traditionally is complex, rarely limited to only procedural guarantees. Based on the analysis of the legislation of Poland and Russia, the author presents the concept of the properties of the defense in the criminal procedure and determines the importance of independence for its effectiveness.